

Ветхій Завѣтъ и его непреходящее значеніе въ христіанской Церкви

(По поводу древнихъ и современныхъ литературныхъ и общественныхъ теченій противъ общепринятаго значенія и употребленія христіанами ветхозавѣтныхъ священныхъ писаній ¹⁾).

Исконнымъ и постояннымъ воззрѣніемъ вселенской Церкви Христовой на ветхозавѣтныя библейскія писанія было признаніе Церковію божественнаго ихъ происхожденія и основоположительнаго значенія для вѣры и жизни христіанъ. Вышедшая—въ Главѣ и первыхъ членахъ своихъ—изъ нѣдръ еврейства и самымъ фактомъ существованія своего, а равно и основнымъ характеромъ своего вѣроученія, правоученія и жизни свидѣтельствовавшая о преемственной связи своей съ іудействомъ, христіанская вѣра и христіанская Церковь съ первыхъ же временъ своего историческаго бытія и на всѣ послѣдующія времена объявила, согласно съ іудейскою синагогою, ветхозавѣтныя писанія произведеніями Духа Божія, въ своей идейной сторонѣ имѣющими навсегда неотмѣнно-обязательное значеніе для всѣхъ христіанъ. Это общецерковное вѣрованіе отвергали лишь гностики, которые, чрезмѣрно преувеличивая различіе обоихъ завѣтовъ и односторонне выдвигая предуготовительный характеръ и обрядовый элементъ Ветхаго Завѣта, допускали даже происхожденіе послѣдняго отъ другого Бога, чѣмъ Богъ Но-

---

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ засѣданіи Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, 16 марта 1909 года.

ваго Завета, представляя ветхозаветнаго Бога то менѣ духовнымъ, болѣе матеріальнымъ, вещественнымъ (Василій, Валентинъ), то чуждымъ любви и требующимъ законнической правды Богомъ одной правды (Маркіонъ), то прямо безнравственнымъ началомъ зависти и своекорыстія (офиты). Позже съ подобнымъ же ижеученіемъ выступили другіе еретики—манихеи. Въ томъ и другомъ случаѣ ижеученіе коренилось въ извращенномъ пониманіи ученія св. апостола Павла о христіанской свободѣ и о благодати въ отличіе отъ ветхозаветныхъ началъ правды и закона. Церковь съ великою энергіею возстала противъ этого ижеученія о происхожденіи Ветхаго Завета отъ злого бога—димиурга—устами великихъ учителей своихъ засвидѣтельствовала со всею опредѣленностью и раскрыла съ великою подробностью истинну неразрывнаго единства, органической связи и существеннаго согласія (при различіи степенномъ) обоихъ заветовъ.

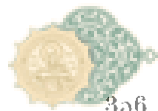
Однако ижеученіе это,—въ измѣненной, конечно, формѣ, возродилось въ новое время, именно на протестантской почвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, злоупотребленія ученіемъ св. апостола Павла о вѣрѣ, законѣ и благодати перѣдки. Неблагопріятныя для правильнаго пониманія истиннаго значенія Ветхаго Завета сужденія въ новое время высказывались какъ съ богословской стороны, такъ и въ области философи. Такъ, извѣстный Шлейермахеръ (*Glaubenslehre* I, § 12) признаетъ историческую связь христіанства съ іудействомъ, но понимаетъ эту связь чисто внѣшнимъ образомъ,—ограничивая ее утвержденіемъ того лишь факта, что Христосъ по происхожденію былъ Іудей: существеннаго же и внутренняго согласія между обоими заветами онъ не допускаетъ¹⁾. Въ отношеніи своего идейнаго содержанія христіанство, по мнѣнію Шлейермахера, равно чуждо язычеству и іудейству. А гдѣ послѣднее имѣло общія черты съ христіанствомъ и

¹⁾ Ср. у проф. О. С. Орнатскаго, Ученіе Шлейермахера о религіи. Кіевъ 1884, стр. 65—66.

подготавлило къ нему, тамъ это же можно находить и въ лучшихъ формахъ язычества; такъ что въ отношеніи какъ историческаго бытія своего, такъ и цѣли своей, христіанство равно относится къ іудейству и язычеству. Нѣтъ нужды говорить, что Новый Завѣтъ, и прежде всего свидѣтельство Самого Господа Иисуса Христа, рѣшительно говорятъ противъ такого взгляда. Крайняя односторонность его очевидна: въ іудействѣ онъ усматриваетъ одну виѣшнюю форму переходящаго значенія, но совершенно игнорируетъ внутреннюю сущность Вѣтхаго Завѣта и пресметвенную цѣль взаимно связанныхъ событій, откровеній и дѣлъ Божіихъ, которыми событіе явленія Христа въ мірѣ соединяется съ самыми начальными моментами историческаго существованія библейскаго Израіля. Наоборотъ, разсѣянные единичные лучи свѣта въ язычествѣ здѣсь односторонне возводятся на степень положительнаго приготвленія къ христіанству, чего отнюдь не было въ язычествѣ: религіозно-нравственное сознаніе язычниковъ, помраченное ложью зловѣрія и нравственнаго извращенія, вообще говоря, только отрицательнымъ путемъ могло подготавливать ихъ ко Христу и христіанству; положительныя сѣмена истины и добра въ язычествѣ были явленіями совершенно единичными и исключительными. Напротивъ, ясное свидѣтельство о положительномъ значеніи іудейства въ смыслѣ подготовленія христіанства и о неразрывной связи перваго съ послѣднимъ мы имѣемъ изъ устъ Спасителя: *спасеніе отъ Іудей есть* (Іоанн. 4, 22).

Крайне неблагоприятный взглядъ на Вѣтхій Завѣтъ высказалъ и знаменитый философъ Кантъ. По взгляду Канта, іудейская, т. е. вѣтхозавѣтная, вѣра съ церковной христіанской вѣрой совершенно не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія—не стоитъ ни въ какомъ единствѣ по понятіямъ, хотя она ей непосредственно предшествовала и для основанія этой (христіанской) церкви дала физическій поводъ. Іудейская вѣра,—утверждаетъ Кантъ,—по своему первона-

чальному устройству, представляет совокупность статуарных законовъ, на которыхъ основывается весь государственный образъ правленія; ибо если какія-либо моральныя добавленія,—или въ самомъ началѣ или въ послѣдствіи,—къ ней и прицѣпились, то они безусловно не относятся къ іудейству, какъ таковому. Последнее, по Канту, вообще собственно не есть религія, такъ какъ ему чуждо вѣрованіе въ будущую жизнь, безъ чего не мыслима ни одна религія. Для Канта даже политеизмъ, разъ онъ представляетъ боговъ требующими нравственнаго, скорѣе подходилъ бы къ понятію религіи, чѣмъ религія (ветхозавѣтная), гдѣ Богъ даетъ только заповѣди, которыя не требуютъ исправленія моральнаго настроенія; этика ветхозавѣтная гетерономна, а потому и религія ветхозавѣтная не имѣетъ цѣны (*Иман. Кантъ. Религія въ предѣлахъ только разума*, перев. съ нѣмецкаго Н. М. Соколова Спб. 1906, стр. 171—172).

Но прежде всего совершенно произвольно и идетъ противъ исторіи утвержденіе Канта, будто всѣ возвышенныя пророческія воззрѣнія, всѣ высокія вѣроучительныя и нравоучительныя воззрѣнія книгъ учительныхъ не принадлежатъ ветхозавѣтному іудейству и являются позднѣйшими и чуждыми его сущности прибавленіями; въ этомъ случаѣ Кантъ поступаетъ подобно гностикамъ, которые въ унижаемой ими религіи несовершеннаго ветхозавѣтнаго Бога усматривали однако и „духовныя искры“, какъ чуждые элементы плотской религіи. Если бы Кантъ захотѣлъ быть вѣрнымъ исторіи и Библіи, то онъ долженъ бы признать и эти возвышенные элементы существенною составною частію ветхозавѣтной религіи, а въ такомъ случаѣ онъ необходимо усмотрѣлъ бы въ ней зародыши возвышеннѣйшихъ христіанскихъ понятій и вѣрованій, включительно до вѣры въ загробную жизнь. Отождествлять же весь Ветхій Завѣтъ съ левитизмомъ, культомъ и ритуаломъ значитъ заранѣе отказаться отъ объективнаго сужденія о характерѣ и зна-

ченіи предмета. Что многія правила и требованія Пятикнижія имѣютъ „статуарный“ характеръ и носятъ политическій оттѣнокъ—имѣютъ цѣлью служить благоустроенію не религіозной только, но и политической жизни Израиля, это, конечно, вѣрно. Но религія и не могла иначе выразить нравственныя требованія, какъ въ формѣ опредѣленныхъ постановленій, какъ выраженій воли Божіей. Если религіозно-нравственная жизнь въ Ветхомъ Завѣтѣ выступала первѣе всего какъ жизнь народа, религіозно-политической общины, то это не только соотвѣтствуетъ духу древности вообще, но и эволюціи религіи въ частности. Всякая религіозная жизнь начинается въ качествѣ жизненныхъ обнаруженій цѣлой общины, рода, семьи, а не индивидуума. Съ этимъ въ связи стоитъ отсутствіе въ древнѣйшее время опредѣленныхъ указаній на ученіе объ индивидуальномъ безсмертіи.

Весьма малое значеніе имѣетъ дѣлаемый Кантомъ упрекъ ветхозавѣтной религіи въ „гетерономномъ“, эвдемоническомъ характерѣ (упрекъ этого рода, какъ извѣстно, дѣлается и христіанству), и уже никакого значенія не можетъ имѣть сужденіе его о моральномъ превосходствѣ политеизма надъ ветхозавѣтнымъ монотеизмомъ.

Можно лишь упомянуть, но вовсе излишне подробно говорить о такихъ ярыхъ противникахъ и хулителяхъ Ветхаго Завѣта (какъ и религіи вообще, не исключая христіанства), какъ Вольтеръ и Геккель.

Въ послѣднія два—три десятилѣтія истекшаго столѣтія и въ текущемъ XX вѣкѣ возраженія и приемы борьбы противъ широкаго употребленія христіанами ветхозавѣтныхъ писаній на западѣ большею частію не имѣютъ принципиальнаго характера. Принципиальныя соображенія о несовершенствѣ ветхозавѣтной морали и под., разумѣется, высказывались, но они нерѣдко служили лишь декоративною стороною, за которой скрывались совершенно другого рода побужденія. Такъ, атеистически настроенные социаль-

демократы, на съѣздѣ своемъ въ 1899 году въ Гамбургѣ исключившіе изъ христіанскихъ школъ преподаваніе Ветхаго Завѣта, на эту мѣру смотрѣли, разумѣется, какъ на первый шагъ въ борьбѣ своей съ религіею вообще. Чаше же всего полемика противъ Ветхаго Завѣта своею основою или почвою имѣла глубокое нерасположеніе европейскихъ народовъ къ евреямъ, и этотъ антисемитизмъ сообщалъ немалую долю страстности борьбѣ противъ Ветхаго Завѣта. Въ Россіи до самыхъ послѣднихъ дней ничего не было извѣстно о какой-либо борьбѣ этого рода. Только въ послѣдніе лѣтъ пять начали и у насъ слышаться отзвуки западно-европейскаго движенія противъ Ветхаго Завѣта. При этомъ, по примѣру всегдашняго нашего учителя—европейскаго Запада, мотивы отрицательнаго отношенія къ Ветхому Завѣту у нашихъ возражателей неодинаковы—частію принципіальнаго свойства, частію же, и главнымъ образомъ, практическаго характера. Давнее нерасположеніе къ еврейству современному, подогрѣтое событіями 1905—1907 г.г., является и у насъ нерѣдко тою канвою, по которой порою вышиваются самыя чудовищныя узоры критики и глумленій противъ ветхозавѣтныхъ лицъ, учрежденій, а затѣмъ и противъ Ветхаго Завѣта вообще. Характеръ такого совершенно непозволительнаго для православнаго христіанина эксцесса имѣютъ напр. сужденія г. А. Д. Эртеля, высказанныя имъ въ рефератѣ его 23 января сего года „Еврейство и Тора“, если только тезисы реферата опубликованы вполнѣ точно ¹⁾.

¹⁾ „Собраніе членовъ клуба русскихъ националистовъ, состоявшееся (въ Кіевѣ) 23 января, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Каргера, было посвящено докладу А. Д. Эртеля на тему: „Еврейство и тора“. Причину страшной зловредности еврейства принято видѣть въ талмудѣ, безнравственное, челоѣконенавистническое ученіе котораго вошло въ плоть и кровь евреєвъ. Докладчикъ основу зла видѣть въ пятокнижїи или торѣ, къ которой талмудъ является лишь комментариемъ. Именно пятокнижіе учить, что евреи—избранный народъ, и что всѣ другіе народы созданы

Невыразимо больно для православно-вѣрующаго сердца читать или слышать подобныя крайне странныя, хульныя мысли, сужденія и слова объ основоположительныхъ или законоположительныхъ священныхъ книгахъ ветхозавѣтной Библии. Отвергать божественное происхожденіе, т. е. боговдохновенность, Пятикнижія Моисеева, признавать его подложнымъ произведеніемъ и притомъ исповненнымъ безнравственности и челоуѣконенавистничества, а общецерковную вѣру въ боговдохновенность Пятикнижія объявлять кощунствомъ не значить-ли не вѣрять авторитету Церкви, св. Апостоловъ и Самаго Христа, признававшихъ Пятикнижіе, какъ и всѣ вообще каноническія писанія Ветхаго Завета, произведеніемъ Святаго Духа,—не значить ли даже похулять Самого Духа Святаго, „глаголавшаго пророки“ и первѣе всего чрезъ великаго Пророка и Боговидца Моисея?

— — —

только для того, чтобы быть рабами евреевъ. По ученію торы, союзъ Іеговы съ евреями состоитъ въ томъ, что евреи обязались исполнять данныя имъ чрезъ Моисея законы, а Іегова за это обязался истребить или покорить евреямъ всѣ другіе народы. Ужасъ однако заключается не въ томъ, что пятикнижіе—силовая безнравственность, челоуѣконенавистничество, а въ мнимой божественности происхожденія этихъ чисто-еврейскихъ книгъ. Особенно прискорбно, что наиболѣе усердныя доказательства божественности происхожденія торы идутъ со стороны христіанъ, которые 1900 лѣтъ остаются во власти ветхозавѣтнаго еврейства и его безнравственнаго ученія, разрушеннаго Христомъ. Съ величайшимъ усердіемъ у насъ стремятся соединить несоединимое и сплетаютъ въ одно цѣлое Христово ученіе и еврейскую тору. И въ этомъ отношеніи можно сказать, что ужасно и гибельно не столько еврейство въ евреяхъ, сколько еврейство въ насъ самихъ. До тѣхъ поръ, пока не будетъ признана совершенно ясная подложность торы, пока не будетъ отвергнуто кощунственное утвержденіе о божественности происхожденія ея, до тѣхъ поръ борьба съ еврействомъ не будетъ имѣть подъ собою твердой почвы“... „Кіевлянинъ“ 1909, № 28, стр. 4.

И особенно прискорбно то, что подобный отзыв о священныхъ для всей Христовой Церкви, для всего христіанскаго міра, книгахъ, отзывъ, своимъ радикализмомъ оставляющій далеко позади себя самыя ультра-радикальныя теченія въ области западно-европейской библейской критики, вышелъ не изъ соціаль-демократическихъ сферъ, не изъ марксистскихъ круговъ и не изъ массовскихъ ложъ, а отъ чисто-русскихъ людей—націоналистовъ, поставившихъ задачею своею святую цѣль охраненія народныхъ русскихъ святынь, изъ которыхъ безспорно первое мѣсто занимаетъ вѣра христіанская, содержащая св. Церковь, въ томъ числѣ и вѣра въ богодухновенность священныхъ писаній Ветхаго и Новаго Заѣта. Подлинно, только глубокое невѣдѣніе этихъ людей въ Писаніи, то невѣдѣніе, какимъ мы, русскіе, грѣшимъ очень давно и которое однако, по Св. І. Златоусту, есть источникъ всякаго зла, могло привести ревнителей вѣры и святыни къ столь неприкрытому поруганію той и другой. Мы охотно признаемъ, что такъ называемое „еврейское засилье“ въ Россіи вообще, а особенно въ южной и западной, далеко не мнѣ, напротивъ, самая очевидная реальность, и что непремѣнный долгъ каждаго патріота русскаго — считаться съ этою возрастающею опасностью и примѣнять законныя мѣры для борьбы съ нею. Но чѣмъ же можетъ быть оправдано помянутое отношеніе къ святой Библии? Можетъ ли быть введено въ систему мѣръ борьбы противъ современныхъ евреевъ непочитаніе или даже отрицаніе Ветхозавѣтныхъ писаній, въ цѣломъ или отдѣльных частяхъ? Отрицательный отвѣтъ слишкомъ ясенъ. А между тѣмъ въ послѣдніе годы такой пріемъ борьбы повторяется не однажды и грозитъ получить право давности.

Въ самомъ дѣлѣ, своими удивительными открытіями о Пятоквижн г. Эртель, по всей видимости, обязанъ столь нашумѣвшей три года назадъ появившейся въ русскомъ переводѣ книгѣ Г. С. Чамберлена „Евреи, ихъ происхожде-

ніе и причины ихъ вліянія въ Европѣ" Спб. 1906, гдѣ мысль о происхожденіи Пятюннихъ и другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ путемъ грандіознаго послѣдствіа „подлога“ развита подробно и съ категорическою опредѣленностью (стр. 42. 90, 174—175, 189—190). А это сочиненіе, какъ и другая работа того же автора „Явленіе Христа“ (Спб. 1906), подобно предыдущей, изданная редакціею „Новаго Времени“, произвело громадную сенсацію въ русскомъ обществѣ, а двумя нововременскими столпами М. О. Меньшиковымъ и В. В. Розановымъ оба сочиненія были привѣтствованы, какъ открывающіе новые горизонты мысли ¹⁾, а авторъ ихъ — какъ одинъ изъ счастливейшихъ Колумбовъ исторіи. Сочиненіе „Еврей“, по мнѣнію г. Меньшикова, есть міровое событіе, открытіе, бросающее могучій потокъ свѣта въ хаосъ стараго матеріала, открытіе, сдернувшее съ еврейства и его исторіи тяжелую завѣсу тысячелѣтнихъ предразсудковъ. А г. Розановъ охотно принимаетъ подъ свою защиту главный тезисъ сочиненія Чамберлена „Явленіе Христа“ о не-еврейскомъ происхожденіи Іисуса Христа, находя, что, съ принятіемъ и обоснованіемъ этого тезиса, еврейство отпадаетъ въ уединеніе и провинціальность ханаанскихъ культовъ. Такъ легко разрѣшаютъ два популярныя публициста тяжелѣйшій вопросъ о міровомъ значеніи библейскаго Израиля, а вмѣстѣ и о сущности всего Ветхаго Завѣта. Что имъ нужды до словъ Самого Христа Спасителя: „спасеніе отъ Іудей есть“ (Іоан. IV, 22)? Они охотно использовали измышленіе Чамберлена въ цѣляхъ борьбы съ современнымъ еврействомъ, совершенно не интересуясь вопросомъ, какою цѣною покупается эта выгода.

Библейскія познанія нашихъ литературныхъ корифеевъ бывають иногда прямо изумительны. Тотъ же М. О. Мень-

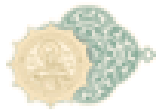
¹⁾ „Новое Время“ 1906, №№ 10988 и 10995.

шиковъ недавно, ратуя противъ народной праздности и пьянства, нашелъ нужнымъ сдѣлать вылазку противъ празднованія дня 1 августа. Въ этотъ день, по его мнѣнію, празднуется память Маккавеевъ — „еврейскихъ генераловъ, которыхъ намъ, русскимъ, чтить рѣшительно не за что“. Помилосердствуйте, г. Меньшиковъ! Уже-ли—одно и то же: мученики Маккавей и Маккавей—князья Асмонейской династіи? Не говоримъ уже о томъ, что православному христіанину слѣдовало бы знать и о церковномъ праздникѣ въ честь Креста Господня, 1 августа, а сыну православной Россіи—и о томъ историческомъ поводѣ, по какому учреждено это празднество.

Еще ранѣе недобрый примѣръ сведенія счетовъ съ нынѣшними евреями на ветхозавѣтно-библейской почвѣ подалъ незадолго до своей смерти генералъ М. И. Драгомировъ ¹⁾. Высказавши то же сожалѣніе, которое было высказано и въ упомянутомъ засѣданіи клуба націоналистовъ 23 января, что еврейская ветхозавѣтная исторія въ нашихъ школахъ преподается „мертвеною, блѣдно, безцвѣтно“, и что авторы учебниковъ и преподаватели этой исторіи преподають ее такъ, какъ бы они сами были раввины, а не православные люди, — „замазывая неказистыя стороны и давая вмѣсто фактовъ полудфакты“, и тѣмъ сообщая имъ превратное освѣщеніе, генералъ сдѣлалъ попытку надлежаще освѣтить исторію исхода евреевъ изъ Египта и дѣятельность Іосифа въ Египтѣ, представивъ Іосифа фокусникомъ, вымогателемъ, эксплуататоромъ, причемъ, конечно, о довѣрѣн къ книгамъ Бытія и Исходъ говорить уже не приходится. „Можно-ли—справедливо восклицаетъ и возмущается высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Волынской ²⁾, —

¹⁾ „Развѣдчикъ“ 1905, № 761; отдѣльный оттискъ, стр. 3—4.

²⁾ Архіепископъ Антоній. Еврейскій вопросъ и святая Библия. Почаевъ, 1907, стр. 3.

можно-ли безъ горячаго негодованія читать эти разсужденія объ Іосифѣ Прекрасномъ! Боже мой! вѣдь этотъ великій праведникъ, болѣе всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ удостоился Христу по своимъ подвигамъ правдолюбія, братолюбія, цѣломудрія и неповинныхъ страданій; въ церкви мы молимся ему во дни говѣнія Великаго Понедѣльника, а въ домахъ читаемъ безразсудныя хулы на святого. Считайте современныхъ евреевъ вредными людьми, боритесь съ ними всѣми законными средствами, если это согласно съ вашими мыслями о нуждахъ родины, но не прикасайтесь *показаннымъ Моимъ и пророкамъ Моимъ не мыслите зла* (Пс. 104, 15). Порочить праведниковъ, коихъ жизнь была руководима Богомъ, значить хулить Самого Бога: народъ библейскій водился Его десницею къ высшимъ міровымъ, вѣчнымъ цѣлямъ, и измѣрять ихъ грошевою мѣркою современной борьбы за наживу и житейскія удобства—дѣло крайняго легкомыслія“. Въ этихъ словахъ нашего авторитетнаго богослова, просвѣщеннаго архипастыря и пламеннаго патріота дано опредѣленное указаніе, что Церковь не можетъ благословлять никакихъ замаховъ на свои святыни, одною изъ которыхъ является Ветхій Заветъ, хотя бы эти замахы мотивировались самою благородною, напр., патріотическою цѣлью; что спасеніе отечества не можетъ достигаться кощунственными вылазками противъ святыхъ писаній и священныхъ лицъ Ветхаго Завета. Нечего и говорить, что самое основаніе всякаго рода этихъ попытокъ по существу и въ корнѣ должно: не потому современные евреи вредны, что они усиленно держатся за законъ Моисеевъ или всецѣло стоятъ подъ опредѣляющимъ вліяніемъ Ветхаго Завета, а совершенно наоборотъ: именно отсутствіе у многихъ представителей еврейства всякихъ слѣдовъ уваженія предъ закономъ Моисеевымъ и предъ лучшими религіозными традиціями своей націи дѣлаетъ ихъ мало пригодными или даже вредными для общества членами. Припоминаются газетныя сообщенія

о томъ, какъ въ нѣкоторыхъ синагогахъ и на разныхъ еврейскихъ собраніяхъ среди требованій разныхъ льготъ и свободъ раздавались возгласы молодежи: „долой субботу! долой обрѣзаніе!“ Не даромъ извѣстный еврейскій писатель 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія Перець Смоленскій въ одной своей сатирической повѣсти говоритъ, что безчинство въ Судный день для многихъ юнцовъ еврейскихъ представляетъ самое пріятное занятіе и вмѣстѣ доказательство ихъ передового образа мыслей. Много примѣровъ этого рода могла бы представить, напр., бытовая сторона такъ называемыхъ раввинскихъ училищъ. Извѣстно также, что интеллигентные евреи въ большинствѣ ставятъ Маркса и Бебеля далеко выше Моисея.

Ясно, что считать источникомъ зловредности нынѣшнихъ евреевъ привязанность ихъ къ закону Моисееву и, вообще, влияніе на нихъ Ветхаго Завѣта, тогда какъ многіе изъ нихъ по собственному побужденію отказываются отъ того и другого,—дѣло одного недоразумѣнія; ясно и то, въ какой мѣрѣ цѣлесообразно къ русскому національному дѣлу привязывать, примѣшивать борьбу съ Ветхимъ Завѣтомъ. „Мировыя вѣчныя цѣли библейскаго Израиля и всего Ветхаго Завѣта, какъ глубоко вѣрно замѣтилъ архіепископъ Антоній,—нельзя измѣрять грошевою мѣркою современной борьбы за наживу и житейскія удобства“. Вопросъ о значеніи Ветхаго Завѣта, какъ слѣдуетъ уже изъ сказаннаго доселѣ, — необходимо изыять изъ чуждой ему сферы національной политики и перенести въ родную ему стихію религіи, вѣроученія и богословія, содержимыхъ Церковью. Тѣмъ болѣе необходимо это сдѣлать именно Церкви и библейской наукѣ, что воззрѣнія, припигающія значеніе Ветхаго Завѣта и пытающіяся ограничить его употребленіе въ христіанскомъ обществѣ, идутъ и развиваются не изъ одного какого-либо общественнаго лагеря, а, вообще, дѣлаются ходячими въ обществѣ, преимущественно среди учащейся молодежи.

Какой сумбуръ можетъ поселить въ молодыхъ головахъ, напр., одна книга *І. Сендерленда* „Священные книги Ветхаго и Новаго Завета. Ихъ происхожденіе, развитіе и характеръ“. Спб. 1907, гдѣ Библия ставится на одну доску съ Ведами, Зендъ-Авестою, Кораномъ и пр.,—это хорошо извѣстно хотя бы о.о. законоучителямъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Не безъ вліянія подобнаго рода произведеній въ послѣдніе годы у насъ были высказаны взгляды, пытающіеся, исходя изъ идеи нравственнаго прогресса, — оградить нравственность христіанскую, христіанское воспитаніе дѣтей, а также православно-христіанское Богослуженіе отъ неблагоприятнаго вліянія на нихъ преобладающаго употребленія ветхозавѣтнаго элемента. Относительно морали и педагогики *І. Сендерлендъ*, напр., вопрошаетъ: „Развѣ ветхозавѣтная нравственность не должна неизбежно нанести вредъ людямъ и особенно дѣтямъ? Подумайте о тѣхъ милліонахъ дѣтей воскресныхъ школъ съ молодыми впечатлительными душами, которымъ изъ году въ годъ каждое воскресенье систематически внушается, что Іисусъ Навинъ былъ правъ, избивая мужчинъ, женщинъ и дѣтей, что Іауи поступилъ хорошо, истребляя весь домъ Ахава и т. п., и представьте себѣ, какое основаніе закладывается этимъ ученіемъ въ милліоны дѣтскихъ душъ, и можно-ли на такомъ фундаментѣ строить нравственный характеръ и развитъ чуткую совѣсть? Можно-ли такимъ воспитаніемъ сдѣлать изъ дѣтей чистыхъ и возвышенныхъ духомъ мужчинъ и женщинъ?“ (стр. 190). А обилии и даже извѣстности ветхозавѣтнаго элемента въ нашемъ Богослуженіи немало говорилось и писалось и въ свѣтской, и въ духовной прессѣ въ „предсоборную“ пору ¹⁾).

Все это, повторяемъ, настоятельно призываетъ, обязываетъ и Церковь нашу, и отечественную библейскую науку

---

¹⁾ См. напр. книгу „Какъ онъ пошелъ въ народъ“ Спб. 1906 г.

дать надлежащий отвѣтъ по пререкаемому вопросу важности первостепенной. Къ нимъ обращено теперь пророческое: *воззвѣи крѣпостію, и не пощади, яко трубу воззвѣи гласъ твой, и воззвѣсти людямъ Моимъ трѣга изъ* (Ис. LIII. 1).

— — — —

Исходнымъ и руководительнымъ началомъ въ изложеніи библейско-церковнаго представленія о значеніи Вѣтаго Зава въ христіанской Церкви должна быть общая, принципиальная мысль объ органической связи обонхъ заваговъ, Вѣтаго и Новаго, библейскаго еврейства и христіанства. Мы должны всегда помнить, что христіанство, при своей небесной первоосновѣ, явилось въ мірѣ не отдѣльно отъ исторической жизни. Напротивъ, именно древній заваъ Бога съ человѣкомъ, проходившій чрезъ всю исторію библейскаго Израіля, вѣтъ, по Божественному устроенію и плану, къ тому новому завау, который запечатлѣвъ кровію Господа Іисуса Христа. Какъ наступленію полдня предшествуютъ зари и утро, такъ явному дню боговѣдѣнія съ явленіемъ въ мірѣ „Солнца правды“ (Мат. 4, 2) и „Востока свѣта“ (Лук. 1, 79), предшествовали времена сѣновнаго, предразсвѣтнаго приготовленія человѣчества къ принятію Свѣта Тихаго. „Домостроитель нашего спасенія—говоритъ Св. Василій Великій, — подобно глазу человѣка, выросшаго во тьмѣ, вводитъ насъ въ великій свѣтъ, пещины посѣлъ по степеннаго къ нему приобученія, потому что щадитъ нашу немощь... въ глубинѣ богатства Своей премудрости и въ неизслѣдованныхъ судахъ разумныя предначерталъ Богъ для насъ легкое и къ намъ приимлемое руководство, приучая сперва видѣть тѣни предметовъ и въ водѣ смотрѣть на солнце, чтобы, приступивъ вдругъ къ созерцанію чистаго свѣта, мы не ослѣпились. На такомъ основаніи измышлены закони, *имѣи свѣтъ, придуми глѣнь* (Евр. 10, 1), и предъизображенія у пророковъ—эти гаданія истинны, для обучения очей сердечныхъ, чтобы удобнымъ для насъ сдѣлался пере-

ходъ отъ нихъ къ премудрости въ тайнѣ сокровенной“¹⁾. Новозавѣтное Откровеніе Бога человѣку само по себѣ не имѣло бы той цѣльности и законченности, той полноты и совершенства, какія оно имѣетъ при древнемъ, ветхозавѣтномъ Откровеніи — этой первичной формѣ сверхъестественнаго Откровенія вообще. Древнее откровеніе заключаетъ въ себѣ начало новаго, образы и предсказанія говорятъ о Христѣ, законѣ, пророчествахъ и вся исторія библейскаго Израиля одушевлена одною мыслию о грядущемъ Мессіи—Христѣ.

Ветхій Завѣтъ, такимъ образомъ, есть первая глава книги Откровенія, а Новый — вторая глава, и какъ нельзя начинать чтеніе книги прямо со второй главы, такъ невозможно получить полное христіанское вѣдѣніе безъ знанія Ветхаго Завѣта. Читая Ветхій Завѣтъ, мы осознательно убѣждаемся, что есть единый живой, всемогущій, всеблагій, святѣйшій Богъ; что человѣчество есть единая нравственная семья, для которой законъ Божій и Богооткровеніе современны самому ея происхожденію, и что есть единая міроуправляющая воля Божія, въ исполненіи которой заключается спасеніе для человѣка. Читая, затѣмъ, Новый Завѣтъ, мы видимъ, что эти же истины Ветхаго Завѣта, только углубленныя и освѣщенныя явленіемъ Бога во плоти и совершеннымъ Имъ дѣломъ спасенія, лежатъ въ основѣ и Новаго Завѣта, который, по религіозно-нравственной идейной сторонѣ своей, представляетъ, такимъ образомъ, органическое продолженіе, дополненіе и совершеннѣйшее раскрытіе и завершеніе Завѣта Ветхаго, и мы, несомнѣнно, убѣждаемся, что между обоими завѣтами существуетъ самая тѣсная связь, и оба они нераздѣльны.

Краткій очеркъ ученія Господа Иисуса Христа и Его Апостоловъ о данномъ предметѣ, а также нѣсколько чертъ

¹⁾ Творен. свв. Отцевъ, т. VII, стр. 280—281 (Москва 1846).

церковно-отеческихъ воззрѣній на связь Ветхаго и Новаго Завета послужать оправданіемъ высказанныхъ положеній.

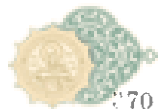
Свое отношеніе къ Ветхому Завету Христосъ Спаситель выразилъ прежде всего въ началѣ нагорной бесѣды, непосредственно послѣ изреченія заповѣдей блаженства, и призыва Своихъ послѣдователей, ближе всего Апостоловъ, къ совершенству, въ общеизвѣстныхъ словахъ: *Не мните, яко приидохъ разорити законъ, или пророки: не приидохъ разорити, но исполнити. Аминь глаголю вамъ: дождеже преидеть небо и земля, іота едина, или едина черта не преидеть отъ закона, дождеже вся будутъ* (Матѣ. 5, 17—18; ср. Лук. 16, 17). Здѣсь съ величайшею ясностью показаны тѣсная связь, органическое единство и внутреннее согласіе евангельскаго ученія Господа съ ученіемъ „закона и пророковъ“, т. е. Ветхаго Завета въ двухъ его отдѣлахъ: *тора* и *небимъ* (третій отдѣлъ іудейскаго канона: *кетубимъ*, писанія, возможно, подразумѣвается подъ именемъ закона (ср. Іоан. 10, 34, сл. пс. 81, 6). „Такъ какъ Христосъ Спаситель—говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ¹⁾—намѣревался дать заповѣди выше древнихъ (какъ видно изъ словъ Его: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши. Азъ же глаголю вамъ: не имъвайтесь*) и проложить путь къ нѣкому Божественному и небесному образу жизни, то, чтобы новостъ ученія не смутила сердецъ слушателей и не заставила ихъ сомнѣваться въ Его наставленіяхъ, Онъ и предупреждаетъ ихъ словами: *не мните, яко приидохъ разорити законъ или пророки...* Этими словами обуздывается не только безстыдство іудеевъ, но и заграждаются уста еретиковъ, утверждающихъ, что древній законъ произошелъ отъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ пришелъ разрушить власть діавола, то какъ же Онъ не только не разрушаетъ ее, но еще и исполняетъ?.. Онъ не только не противился

¹⁾ Бесѣды на св. Еванг. Матѣя. Русск. перев. Спб. 1901. т. VІІ, кн. 1. Бес. XVІ, стр. 168, 171—172.

закону, но еще и одобрялъ его. Но какимъ образомъ, спросишь ты, Онъ не нарушилъ закона? И какъ исполнилъ законъ, или пророковъ? Пророковъ — тѣмъ, что подтверждалъ дѣлами своими все, что они говорили о Немъ, почему и евангелистъ постоянно говоритъ: *да сбудется реченное пророкомъ*, напр., когда Онъ родился, когда отроки вослѣли Ему чудную пѣснь, когда возсѣлъ на жребіи. Да и во многихъ другихъ случаяхъ Онъ исполнилъ пророчества, которые всѣ остались бы безъ исполненія, если бы Онъ не пришелъ въ міръ. А законъ исполнилъ не въ одномъ отношеніи, но въ троякомъ. Во-первыхъ, Онъ ни въ чемъ не преступилъ его. Чтобы увѣриться, что Онъ исполнилъ весь законъ, послушай, что Онъ говоритъ Іоанну: *такъ бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мат. III, 15). Равнымъ образомъ и іудеямъ Онъ говоритъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣхѣ* (Іоан. VIII, 46), также ученикамъ (своимъ): *придетъ сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничегоже* (Іоан. XIV, 30). Издревле и пророкъ предсказалъ о Немъ, что Онъ *грѣха не сотвори* (Ис. LIII, 9). Итакъ, вотъ первый способъ, которымъ Онъ исполнилъ законъ. Во-вторыхъ, Онъ исполнилъ законъ за насъ. По истинѣ, достойно удивленія, что Онъ не только Самъ исполнилъ законъ, но и намъ даровалъ его исполненіе, какъ то пѣвается Псалмъ (Римл. X, 4; VIII, 3, 4; III, 31). Такъ какъ цѣль закона состояла въ томъ, чтобы сдѣлать человека праведнымъ, чего однакожъ онъ не могъ сдѣлать, то этому назначенію закона удовлетворилъ Самъ Господь, ниспославъ на землю и установивъ образъ оправданія чрезъ вѣру. И чего законъ не могъ сдѣлать посредствомъ буквъ, то Самъ Христосъ совершилъ чрезъ вѣру, почему и говоритъ: *не придохъ разорити законъ*. Третій же образъ исполненія закона состоялъ въ учрежденіи того закона, который Христосъ имѣлъ дать. Въ самомъ дѣлѣ, Его ученіе не уничтожало прежняго ученія, но возвышало и восполняло

его. Такъ, напримѣръ, заповѣдь: *не убій* не уничтожается заповѣдью: *не имѣйся*: напротивъ, послѣдняя служить дополненіемъ и утвержденіемъ первой. То же самое должно сказать и о всѣхъ прочихъ¹.

Частіе, согласіе Своего собственнаго ученія съ ученіемъ закона и пророковъ Христосъ Спаситель отмѣтилъ, напримѣръ, въ нагорной же бесѣдѣ, когда, предлагая Своимъ послѣдователямъ общее руководительное начало въ отношеніяхъ къ людямъ, сказать: *вся елика хочете, да творятъ вамъ человецы, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророцы* (Матѳ. VII, 12; см. Тов. IV, 15; Лук. VI, 31), — или когда на вопросъ законника о наибольшей заповѣди закона, указать на заповѣди о любви къ Богу и любви къ ближнему, и прибавить къ этому: *въ сию обою зповѣдію весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. XXII, 40). Въ томъ и другомъ случаѣ сущность закона новозавѣтнаго отождествляется съ сущностью ветхозавѣтныхъ закона и пророковъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ силу превосходнѣйшаго духа Своего ученія предъ духомъ ветхозавѣтнымъ (Лук. IX, 35), Онъ давалъ высшія нравственныя требованія въ сравненіи съ ветхозавѣтными, Онъ не проводилъ контраста между первыми и послѣдними. Такъ было, напр., при томъ случаѣ, когда Господь сказалъ по поводу законовъ о пищѣ: *не входящее въ уста человека, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человека* (Матѳ. XV, 10), при чемъ, по словамъ св. І. Златоуста¹), „Онъ не сказалъ, что разборчивость въ пищѣ ничего не значить, и что Моисей предписалъ ее напрасно, или изъ снисхожденія; а говоритъ въ видѣ увѣщанія и совѣта, заимствуя доказательство изъ свойства вещи“. Равнымъ образомъ, въ законѣ о разводѣ (Мо. XIX, 3—9), сказавъ фарисеямъ: *Моисей по жестосердію вашему повелѣ вамъ пустити жены ваша, изначала же не бысть тако* (ст. 8),

¹) Бесѣды на Еванг. Матѳея. II, стр. 528.

„Спаситель не допускаетъ порицать Моисея, поелику Онъ самъ далъ ему этотъ законъ; но освобождаетъ его отъ осужденія, и все обращаетъ противъ фарисеевъ“ ¹⁾. Подобное же надо сказать и по поводу Матѹ. XII, 1—8 (о сabbотѣ по ученію Христову въ отличіе отъ ветхозавѣтнаго). Что касается пророческихъ предвѣщаній о Христѣ, то самъ Христосъ Спаситель многократно выражалъ мысль Іудеямъ и Апостоламъ, что въ писаніяхъ пророческихъ для нихъ заключается вѣрнѣйшее и яснѣйшее свидѣтельство Его Божественнаго достоинства, — внушать, какъ говоритъ св. І. Златоустъ, „что должно имѣть (о Немъ) правое познаніе и убѣждаться не столько чудесами, сколько писаніемъ“ ²⁾. Таково, напр., слово Его невѣровавшимъ въ Него Іудеямъ: *испытайте писаній... и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. V, 39) — указаніе на все вообще ветхозавѣтное Писаніе, какъ совершенно достовѣрное для Іудеевъ свидѣтельство о Христѣ; а ниже въ той же рѣчи Онъ частіе указываетъ на писанія Боговидца Моисея, какъ содержащія свидѣтельства о Немъ: *аще бысте вѣровали Моисею, вѣровали бысте и Мнѣ, о Мнѣ бо та ниса* (Іоан. V, 46), говоритъ Онъ, „показывая, что они преслѣдуютъ Его по невѣрію къ Моисею, ибо если вѣрили Моисею, то имъ слѣдовало поклониться Тому, о Комъ Моисей пророчествовалъ“ ³⁾. Своихъ учениковъ предъ Своими страданіями Христосъ Спаситель предупреждалъ, что именно на Немъ „совершится все написанное чрезъ пророковъ о Сынѣ Человѣческомъ“ (Лук. XVIII, 31—33), Которому, „какъ писано о Немъ, надлежитъ много пострадать и быть унижену“ (Мрк. IX, 12. Мѹ. XXVI, 24), и что непременно „сбудутся Писанія, что такъ должно быть“ (Мѹ. XXVI, 54).

¹⁾ Св. І. Златоустъ. „Бес. на Ев. Матѹ.“ LXII, стр. 636.

²⁾ „Бес. на Ев. Іоанна“, т. I, стр. 195 (1862 г.).

³⁾ Св. І. Златоустъ. „Бес. на Ев. Іоанна“, т. I стр. 497.

Этого мало. „Свидѣтельствуя до послѣдняго часа объ истинѣ ветхаго завѣта, Господь и на крестѣ вызываетъ— пророческимъ гласомъ (*Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* Мо. XXVII, 46. Мрк. XV, 34, сн. ис. 21, 2), и не только пророческимъ, но и еврейскимъ—(*или, или, лими савахани*), чтобы имъ (Иудеямъ) было понятно“¹⁾. И послѣ Своего воскресенія Іисусъ Христосъ, явившись на пути Эммаусскимъ путникамъ, обвинилъ ихъ за медлительность вѣровать всему, что предсказывали пророки о страданіяхъ Христа и послѣдующей славѣ Его, „и начавъ отъ Моисея, изъ некихъ пророковъ изъясняя сказанное о Немъ во всемъ Писаніи“ (Лук. XXIV, 25—27); а явившись въ тотъ же вечеръ всѣмъ Апостоламъ, Онъ напомнилъ имъ сказанное Имъ еще при жизни, „что надлежитъ исполниться всему, написанному о Немъ въ законѣ Моисеевомъ, и въ пророкахъ и въ псалмахъ“ (Лук. XXIV, 44), т. е. въ цѣломъ Ветхомъ Завѣтѣ.

Ученіе Господа Іисуса Христа объ отношеніи Его ученія и всего Новаго Завѣта къ Ветхому, какъ и слѣдуетъ ожидать, воспроизводится и раскрывается у Апостоловъ. Такъ, прежде всего св. Евангелисты всѣ главнѣйшіе моменты жизни и дѣятельности Господа Іисуса Христа разсматриваютъ, какъ исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Немъ. Отсюда обычное у нихъ, особенно у Евангелиста Маттея, выраженіе „да сбудется реченное пророкомъ, пророки“ (напр. Мо. I, 22 II, 15, 17, 23. IV, 14. VII, 17. XII, 17. XIII, 35. Іоан. XIX, 24 и др.). Затѣмъ вся вообще апостольская проповѣдь послѣ вознесенія Господа носитъ многочисленныя слѣды указаній на писанія ветхозавѣтныя; миссіонерское служеніе ихъ среди Іудеевъ и не могло вестись иными приемами, какъ только доказательствами Божественности Христа и

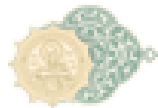
1) Св. I Злат. „Бес. на Ев. Матт.“ т. VII, кн. 2, стр. 868.

Его дѣла изъ Вѣтхаго Завѣта. Такъ, Апостолъ Павелъ во время римскихъ узъ своихъ мѣстнымъ Іудеямъ „излагалъ ученіе о Царствѣ Божіемъ, приводя свидѣтельства и удостоверяя ихъ объ Іисусѣ Христѣ изъ закона Моисеева и изъ пророковъ“ (Дѣян. XXVIII, 23). Св. Апостолъ Петръ вскорѣ по Пятидесятницѣ сошествія Св. Духа свидѣтельствовалъ Іудеямъ, что „Богъ, какъ предвозвѣстилъ устами всѣхъ Своихъ пророковъ пострадать Христу, такъ и исполнилъ“, и что вообще „всѣ пророки отъ Самуила и послѣ него, сколько ихъ ни говорили, также предвозвѣстили дни сии“ (Дѣян. III, 18. 24). Частіе, тотъ же Апостолъ въ приложеніи ко Христу объясняетъ пророчество Моисея о пророкѣ подобномъ Моисею (Втор. XVIII, 15—18. Дѣян. III, 22—23) и Давида—о камнѣ, отверженномъ (ис. 117, 22. Дѣян. IV, 11), а въ своемъ первомъ посланіи прямо примѣняетъ ко Христу пророчество Ісаи о страждущемъ Рабѣ Іеговы (Ис. LIII, 9), говоря словами Пророка: „Христосъ... *иже не сотвори, ни обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его*“ (II, 22). Св. Апостолъ Павелъ особенно часто приводитъ въ своихъ посланіяхъ отдѣльныя пророчества о Христѣ. Напримѣръ, приводя обѣтованія Божіи Аврааму и сѣмени его (Быт. XII, 3—7. XVIII, 18. XXIII, 18), онъ замѣчаетъ: „Не сказано: „и потомкамъ“, какъ-бы о многихъ, но какъ объ одномъ: „и сѣмени твоему“, которое есть Христосъ“. (Гал. III, 16). Но что важнѣе всего, этотъ св. Апостолъ со всею ясностью выражаетъ преемственную послѣдовательность и органическую связь новозавѣтнаго во Христѣ откровенія съ цѣлою совокупностью откровеній ветхозавѣтныхъ, когда свое посланіе къ Евреямъ начинаетъ словами: „*Многочастны и многообразны древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сиихъ глагола намъ въ Сына...*“ (Евр. I, 2).

Наконецъ оба первоверховные Апостола, Петръ и Павелъ, оставили въ своихъ писаніяхъ ясное свидѣтельство о боговдохновенности и, слѣдовательно, священной, божествен-

ной важности всѣхъ вообще писаній ветхозавѣтныхъ. Апостоль Петръ въ своемъ второмъ посланіи (гл. I, ст. 16 слѣд.). говоря о величій и божескомъ достоинствѣ Христа и указавъ въ доказательство сего на Его преображеніе и бывший при этомъ гласъ Бога Отца, затѣмъ говоритъ, что „мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово“, одобряетъ занятіе своихъ читателей этимъ словомъ и напоминаетъ, что никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою—ни бо волею бысть когда челоукомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи челоуцы (ст. 21). Апостоль Павелъ во второмъ посланіи къ Тимооею, возвѣщая объ имѣющихъ постигнуть Церковь гоненійхъ и соблазнахъ, убѣждаетъ Тимооея твердо держаться того, чему онъ наученъ Богомъ, замѣчая: яко измлада священная писанія умноши, могущая тя умудрити во спасеніе вѣроу, яже о Христѣ Иисусѣ (Ш, 15), и затѣмъ продолжаетъ: всяко писаніе богоустроено и полезно естъ ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ, да совершено будетъ Божій челоукъ, на всякое дѣло благое уготованъ (ст. 16—17). Здѣсь св. Апостоль ветхозавѣтнымъ писаніямъ (а ихъ только и могъ знать Тимооей издѣтства) усваиваетъ силу научать евангельской истинѣ и истинному нравственному совершенству именно вслѣдствіе ихъ боговдохновенности.

Эту, завѣщанную Христомъ и Апостолами, вѣру въ боговдохновенность всѣхъ священныхъ писаній Ветхаго Завѣта во все время своего историческаго бытія содержала Церковь Христова. Рѣшительнымъ свидѣтельствомъ этого является принятый въ Церкви канонъ священныхъ книгъ, въ которомъ всегда ветхозавѣтныя книги предшествуютъ новозавѣтнымъ и соединяются съ ними въ одинъ составъ. „Для всѣхъ вастъ—читаемъ въ 85 правилѣ святыхъ Апостоловъ,—принадлежащихъ къ клиру и мірянъ, чтимыми и святыми да будутъ книги: ветхаго завѣта—Моисеевыхъ пять и т. д.“. То же читается и въ соборныхъ правилахъ: Лаодикійскаго

помѣстнаго собора пр. 60, Карфагенскаго пр. 33, а также въ правилахъ святыхъ отцевъ: св. Аѳанасія Александрійскаго, 39-е посланіе о праздникахъ, св. Григорія Богослова „О томъ, какія подобаетъ читать книги Ветхаго и Новаго Завѣта“ св. Амфилохія епископа къ Селевку „о томъ, какія книги приеімяются“ (см. „Книгу Правиль“), а также въ „Синопсисакъ“ или обзорѣніяхъ священныхъ книгъ св. Аѳанасія Великаго и св. Іоанна Златоуста.

Общимъ ученіемъ отцевъ и учителей Церкви было именно признаніе боговдохновенности обоихъ завѣтовъ и единства ихъ предмета и духа. Такъ, по св. Аѳанасію, „все вообще (ветхозавѣтное) боговдохновенное Писаніе съ начала до конца воиетъ о Христѣ, какъ ясно показываютъ самыя реченія... въ каждой книгѣ Писанія, преимущественно о Спасителѣ, предвозвѣщается то же, что во всѣхъ писаніяхъ. И слова другихъ святыхъ (т. е. помимо псалмодѣвцевъ) преимущественно были о Спасителѣ. Это есть общій предметъ, одно и то же согласіе Духа“¹⁾. Только еретики—Гностики, Маркіониты, Манихеи отрицали единство происхожденія обоихъ завѣтовъ и приписывали Ветхій Завѣтъ злому богу—димургу. Но отцы и учителя Церкви со всею энергіею и ревностью и съ уничтожающею критикою вооружались противъ этого рода лжеученій, всесторонне доказывая полное согласіе Ветхаго Завѣта съ Новымъ. Такъ, Оригенъ говоритъ: „Мы должны смотрѣть на Писаніе, какъ на недвижимое тѣло, подобное пасхальному агнцу, котораго слѣдовало съѣдать, не раздробляя на части; нельзя раздѣлять или разрывать крѣпкія связи этого соединенія, какъ это дѣлаютъ тѣ, которые отрицаютъ единство Духа, присущаго всѣмъ Писаніямъ... Ничего негармоничнаго, ничего стран-

¹⁾ Св. Аѳанас. Вел. „Бесѣды на Псалмы“ твор. ч. 4, стр. 7. 11 (изд. 1954 г.).

наго нѣтъ въ писаніяхъ, но вездѣ совершенное согласіе, полное единство. Ветхій и Новый Заѣтъ, законъ, пророки и апостолы—все въполнѣ между собою согласны“... (*Not. in Johan. X; in Matth. II*). Особенно же св. I. Златоустъ во 2-ой бесѣдѣ на слова: *Имуще той же духъ вѣры по писанному* (2 Кор. IV, 13) (другое заглавіе: *и противъ мнищихъ и всехъ порицающихъ Ветхій Заѣтъ и отбѣляющихъ его отъ Нового*), дать всестороннюю критику упомянутого мжеученія и блестящую защиту боговдохновеннаго достоинства Ветхаго Заѣта¹⁾. „Для чего, говоритъ св. отецъ, Апостолъ сказалъ: *той же*? Онъ хотѣлъ показать великое сродство Нового Заѣта съ Ветхимъ; посему, напомнить намъ и о пророческомъ изреченіи, сказавъ: *имуще той же духъ вѣры, и прибавивъ: по писанному: стровахъ, тѣмъ же возлагаяхъ*. Еще прежде и за много лѣтъ Давидъ сказалъ то самое (пс. 115, 1), что приведетъ теперь Павелъ, внушая, что какъ въ Давидѣ тогда, такъ и въ насъ теперь одна и та же благодать Духа укоренила силу вѣры, и какъ бы такъ сказали: тотъ же самый духъ вѣры, который говорилъ въ немъ, дѣйствуетъ и въ насъ. Гдѣ теперь тѣ, которые порицаютъ Ветхій Заѣтъ, расторгаютъ тѣло Писанія, приписываютъ Новый Заѣтъ одному, а ветхій—другому Богу? Пусть они выслушаютъ Павла, заграждающаго безбожныя уста, обуздывающаго богоборный языкъ и показывающаго, что одинъ и тотъ же Духъ въ Ветхомъ и въ Новомъ Заѣтѣ. Притомъ и самыя названія показываютъ намъ великое согласіе между Заѣтами. Новый названъ такъ по отношенію къ ветхому, и ветхій по отношенію къ новому, какъ и Павелъ говоритъ: *всегда же глаголетъ: новъ, обветшии первую* (Евр. 8, 13). А если бы они не принадлежали одному

¹⁾ „Бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія“ СПб. 1863, т. III, стр. 22 слѣд.

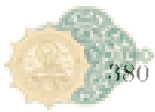

и тому же Владыкѣ, то не могли бы назваться однимъ новымъ, а другой ветхимъ. Такъ это различіе въ названіяхъ показываетъ сродство того и другого Завета; и самое это различіе состоитъ не въ разности ихъ по сущности, но въ разности по времени; только поэтому новое отличается отъ ветхаго; а разность по времени не означаетъ ни различія въ принадлежности кому-либо, ни меньшинства одного предъ другимъ... Такимъ образомъ между Заветами есть только различіе въ названіяхъ, а не противорѣчіе и противоположность. Я же прибавлю, что хотя бы даже законы ветхаго Завета были противоположны законамъ новаго, я стану бы утверждать что и тогда не нужно было бы вводить другаго Бога. Если бы предписаны были противоположные законы въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же людямъ, живущимъ въ одномъ и томъ же состояніи, находящимся въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, то такое мудрованіе, можетъ быть, имѣло бы нѣкоторое основаніе, но если предписаны одни законы однимъ, а другіе другимъ, тѣмъ въ одно время, а этимъ въ другое, тѣмъ въ однихъ обстоятельствахъ, а этимъ въ другихъ, то какая необходимость вследствие различія законовъ вводить двухъ противоположныхъ законодателей? Я не вижу никакой; если же еретики могутъ сказать, то пусть скажутъ; но они не могутъ. Итакъ, очевидно, что, если бы даже эти законы были противоположны, то и тогда не слѣдовало бы порицать (Ветхій Заветъ); но что они не противоположны, а только различны, въ доказательство этого теперь представимъ самые законы. *Слышите, сказалъ Господь, яко речено бысть древнимъ: не убіеши* (Матѳ. 5, 21). Это—ветхозавѣтный законъ, посмотримъ на новозавѣтный: *Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣвающий на брата своего всуе, позиненъ есть гееннѣ огненной* (Матѳ. 5, 22). Скажи ми: развѣ противоположны эти заповѣди?... Если тотъ повелѣваетъ не убивать, а этотъ повелѣваетъ даже и не гнѣваться; то послѣдній Законъ есть усиленіе перваго, а

не противорѣчіе ему. Тотъ уничтожилъ плодъ злобы—убійство; а этотъ вырвалъ и корень—гнѣвъ; тотъ пресѣкъ теченіе зла; а этотъ изсушилъ и самый источникъ его; ибо источникомъ и корнемъ убійства бываетъ раздраженіе и гнѣвъ. Тотъ законъ приготовлялъ нашу природу къ этому; а этотъ пришедши восполнилъ остальное. Гдѣ же противоположность, когда одинъ законъ пресѣкаетъ конецъ зла, а другой и начало? Тотъ дѣлалъ руку чистою отъ крови; а этотъ освобождаетъ и самый умъ отъ порочныхъ пожеланій. Это свойственно законамъ согласнымъ между собою, а не противорѣчащимъ... Видишь ли, какія хулы произносятъ тѣ, которые говорятъ, что одинъ законодатель новаго Завѣта, а другой Ветхаго? Но все это прекращается, когда мы допустимъ, что одинъ Богъ того и другаго Завѣта. Тогда окажется, что Онъ мудро устроилъ дѣла касательно насъ, сначала посредствомъ закона, а теперь посредствомъ благодати, и не съ недавняго времени, не въ послѣднія времена, но издревле, и съ самаго перваго дня сталъ промыслиать о насъ. А чтобы еще болѣе заградить уста ихъ, мы приведемъ теперь самыя изреченія пророковъ и апостоловъ, возвѣщающихъ, что одинъ законодатель новаго и ветхаго Завѣта. Итакъ, пусть выступитъ освященный отъ чрева матери Іеремія, и ясно покажетъ намъ, что одинъ и тотъ же Богъ того и другаго Завѣта. Что же говоритъ онъ, вѣщая отъ лица Законодателя? *Завѣщаю вамъ завітъ новъ, не по завітѣ, еликоже завѣщаша отцемъ вашимъ* (Іерем. 31, 31—32). Такимъ образомъ тотъ же Богъ, который завѣщалъ имъ Новый Завѣтъ, далъ и Ветхій... Но чтобы заградить уста и Манихеевъ, мы приведемъ свидѣтельство изъ Новаго Завѣта, такъ какъ они не оказываютъ никакого уваженія къ ветхому, или лучше, и къ новому. Ибо и этотъ, который повидимому, уважаютъ, они унижаютъ не менѣе того: во-первыхъ, тѣмъ, что, отрывая его отъ ветхаго, ослабляютъ

его достовѣрность; ибо не малымъ доказательствомъ истинности его содержанія служить предсказаніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ, которыя отвергая, они не чувствуютъ, что унижаютъ апостоловъ болѣе, нежели пророковъ... Итакъ, гдѣ Новый Завѣтъ говоритъ, что законодатель какъ его, такъ и Ветхаго Завѣта—одинъ? Во многихъ и въ разныхъ мѣстахъ; но мы пока постараемся изложить тотъ отрывокъ, который еще сохраняется и теперь у Манихеевъ. Какой же это отрывокъ? *Глаголите ми, иже подѣ закономъ хотите быти,* говоритъ Апостолъ, *закона ли не слушаете, яко Авраамъ два сына имѣ: единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя* (Гал. 4, 21. 22)... Докажемъ же изъ этого самаго отрывка, что законодатель одинъ. *Авраамъ два сына имѣ: единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Яже суть,* говоритъ Апостолъ, *иносказана* (Гал. 4, 22. 24). Что значитъ *иносказана*? Событія Ветхаго Завѣта были прообразами событій Завѣта благодати: какъ тамъ двѣ жены, такъ здѣсь два Завѣта. И, во первыхъ, въ томъ открывается сродство Новаго Завѣта съ Ветхимъ, что послѣдній былъ прообразомъ перваго: ибо прообразъ не противоположенъ истинѣ, но сроденъ ей. Если бы Богъ Ветхаго Завѣта былъ противоположенъ Богу Новаго, то тотъ не могъ бы прообразовать этими женами превосходство Новаго Завѣта; а если бы тотъ и прообразовалъ, то Павлу не слѣдовало пользоваться этимъ прообразомъ. Если же скажутъ, что Павелъ сдѣлалъ это, приспособляясь къ немощи іудеевъ; то ему слѣдовало бы, и проповѣдуя язычникамъ, представить языческіе образы, и напомнить объ историческихъ событіяхъ, бывшихъ у язычниковъ. Однако онъ не дѣлалъ этого, и весьма справедливо, —потому что эти событія не имѣли ничего общаго съ истиною; а іудейскія суть Божіи вѣщанія и законы; посему ветхозавѣтное и имѣетъ великое сродство съ новозавѣтнымъ“. Съ такою неподражаемою яркостью и силою изображаетъ св. І. Злато-

устъ глубокое внутреннее сродство Ветхаго Зава́та съ Новымъ. Въ этомъ внутреннемъ, органическомъ единеніи обоихъ Зава́товъ и заключается причина и основаніе того непреходящаго значенія Ветхаго Зава́та и въ христіанствѣ, о которомъ учать, какъ мы видѣли, Господь Иисусъ Христосъ, св. Апостолы и Церковь Христова во все время ея существованія *).

Священникъ А. Глаголевъ.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.